

ВОЛЬНИЦА

Весна восемнадцатого. Первая *наша* весна. Кубань, Черноморье, Новороссийск, Ресефесерия. Пыл, ор, ярь, половодье — урывистая вода.

Всю дорогу разговоры в вагоне.

Об чем крики? Об чем споры? Все дела в одно кольцо своди: бей буржуев, бей, душа с них вон. Все наше. Голова — мы. Когти — мы. Беломордые? Што нам беломордые, — сила наша. Всех потопчем. Всех порвем. Простонародная революция: плач и стенанье, песни и слезы.

Навстречу, под Тоннельной, два эшелона попались — урезный фронтовик, кровь родная. Стогне Днипр, стогне широкий. И все одного направления: *жабнуть*. Все машут винтовками и страшными голосами эрзерумских высот гукуют:

— Долой Хвилимонова...

— Рви кадетню...

— Поиздили, попили... Теперичко мы поиздимо...

— Крой, товарищи...

— Капиталу нет пощады...

— Долой...

А Хвимионов — главковерх царизма по-на Кубани. В чине свахи, гад ползучий — войско-вой, казачий круг с радой спаривал. Но мы раз и навсегда против всей этой лавочки. И бои кругом рикотят — под Тимашевкой, Тихорецкой, Невинкой. Скрозь бои: по всей Тамани, по-над Кубанью, аж до самого Терека. Диствительно долой генерала Покровского — дюже вредный генерал для крестьянского населения.

Ду-ду. Фьюрр...

— Березай, вылезай.

Новороссейский город. Станция Новороссейская.

— Где комендант?

— Ах, братишка, сурьезные дела...

— Фронтоники не подкачают — в один мент обделают дела в лучшем виде...

— Эх, ваша благородия, держись, не вались...

Фронтовик он...

— Где комендант? Под девято ево ребро!

— Есть.

— Здравствуйте.

— Ваш мандат.

— Налицо.

Правильный мандат: станичник Максим Ку-
жель, как делегат за оружием. А комендант,
сучара, развалился в мягкой кресле и языком
ледве-ледве:

— Ни от меня зависит...

— Як так?

— Так.

— Да як же так?

— Эдак.

— Да який же ты и комендант, коли ору-
жие немає... А ежели экстренное нападение,
контры?

— Ни от меня зависит...

— Га, чортов сынок!

Плюнул делегат через коменданта на стенку,
давай в город срываться.

Совет рабочих, солдатских...

На лестницах народ, в залах народ — руки не пробьешь. С Черноморья мужики. Молдаване с Джубги, Дефановки, Сапскульской. Матросики шныряют туда-сюда: где бы горилочки похрамчить. Тут же неизвестный солдат серебряны тарелки продает.

Потолкался-потолкался Максим: ходов не найти, и пронял его такой-то ли аппетит, такой аппетит... Примостился на подоконнике, хлеба отломил и токо-токо за сало... глядь: дорогой товарищ Васька Галаган. Кажет:

— Здорово, голубок.

— Та неужто ж ты живой остався?

— Э-э, меня ни берет ни дробь ни пуля...

— Ах, в бога господу мать, рад я ужасно.

И вышел тут экстренный разговор. Смеется Васька — откровенный друг... Подманил товарищей и давай рассказывать, как с Максимом в трубе ночевали, как вдвоем по телеграфу город кавказский взяли. Смеются матросы: щикатурка с потолка сыпится, советски шпалеры вянут — стружкой по стенам завиваются.

— А в Совет здешний всяка сволота понабилась: и большевики, и меньшевики, и кадеты, и эстервы... Оружья тебе, солдат, не достать.

— Як так?

— Да так...

— Да як же так?

— Да эдак.

— Що ж це такий за Совет, коли оружия для добрых людей не сготовил? А ежели экстренное нападение контры? Воны и вусом не моргнуть...

— Ни по назначенью попал.

Иэ-х, сердцу стало прискорбно. Уцепил Максим Ваську за рукав, давай молить-просить:

— Васек, товарищ подсердечный... За что мы скомлели, терхались? Долой золотую шкурку. И зачем нам кисла меньшевица власть? В контрах вся Кубань—тридцать тысяч казаков. Што тут делать и как тут быть!

— Успокой ты свое солдатское сердце.

— Будь уверен, оружья достанем.

— Слово олово.

— Диствительно, долой кислу меньшевицку власть...

— А Совет? Совет—чхи!—будь здоров—погремушка...

— Вся власть в наших руках... Хоромы, дворцы и так далее.

Обрадовался Максим. Так-то ли обрадовался — сало и хлеба краюху на подоконнике забыл.

Табуном притопали в гостиницу „Россия“. Картинки, диваны эти самые и занавески — чистый шелк. Барахла понавалено, барахла: сюда повернешься—чемодан, туда—узел, двоим не поднять. Расстегнули бутылочку, другую. Вспоминали с Васькой, как на ахтомобиле мимо дороги чесали, — выпили. Про трубу вспомнили, — еще выпили. За поповский сапог на ново выпили. Опосля того вывел Васька гостечка дорогого через стеклянную дверь на терраску. Вывел да и показывает:

— Вон немцы в Крыму. Вон Украина, страна хлебородная, всю ее покорили стервозы, а флот наш сюда отсунули.

— Немцы?

— Немцы, Максим, немцы, хлесть иху мать... Шёлм-блём даешь флот по Брестлитовскому. Шалишь. Распустили мы дымок — сюда уплывали. Выпьем вино до последнего ведра, дальше поедem, разгромим все берега и с честью умрем.

— Вася, зачем умирать? Умереть не хитро...

— Я? Мы? Никогда сроду. Все прошли с боем, с огнем: гайдамаков били, раду били, под Белградом Корнила шарахнули, с Калединым цапались, в Крыму с татарами дрались, офицеров топили в пучине морской... Раз офицер — фактически контрик...

— Бей с тычка. Бей с навесу. Бей наотмашь. Хрули гадов. Ни давай курвам пощады...

— Справедливо, дядя. Полный оборот саботажа. Весь путь под саботажем. Мокроусовский отряд: слышал? Наш отряд... Черный флот... И кругом теперь судовые комитеты — наша бражка: чумазая, нечесаная, ни одного в очках нет. Дни и ночи у нас собранья и митинги, митинги и собранья. На дню вытал-

киваем по тыще резолюций—клянемся, клянемся и клянемся: *бей контру*. Баста...

Правильно, от Новороссейска море начинается. Корабли гуськом. Весь черный флот. Пушечки, дымок, флаги праздничные. По утрам с дредноута „Воля“ малым током радио по всей эскадре:

В
сем
всемв
семсего
днявечеро
мвгорсадуот
крытаясцена на
вольномвоздухек
онцертмитингшампа
нскоебалдоутравходс
вободныйвоенморыпригл
ашаютсязбезисключениядаз
дравствуетдадравствуетдо
лойдолойдолойдадравствуетсв
ободныйчерноморскийфлот *Тройка*.

Команды на берегу. Двенадцать тысяч матросов на берегу.

Сколько это шуму!

Гостиницы и дома буржуйские ломаются. Хоромы, дворцы и так далее. Совет, што Совет! Лучше об нем и не говорить и слов ни тратить. Даешь шампанского,— и кислый Совет из бездонных подвалов Абрау-Дюрсо перекачивал на корабли шампанское. В неделю по два ведра на рыло. И цена подходящая—двенадцать рублей бутылка—твердая цена. Хватало и водки, николаевской, белоголовой. Слезу вышибала, за сердце брала старорезимная, злая водка. Совет—чхи!—будь здоров—погремушка с горохом. И такое бывало. Ночью, загнав всех рысаков и смеху ради перетопив лихачей в вине и керенках, подваливалась к Совету буйная ватажка, обвешенная бомбами, кольтами...

— Даешь авто!

— Тыл — штатска провинция.

— Душу вынем.

— Го-го-го...

— Даешь авто!..

Высунется в окошечко дежурный член, в шинель одетый.

— Товарищи, я сам четыре года кровь проливал, но автомобилей в Совете нет... Вы, как сознательные, должны...

— Ботай.

— Куда надевали?

— Пропили?

— Немцам берегут.

— Душу выдерем...

— Товарищи...

Из толпы для забавы стреляли. Можбыть, кверху. Можбыть, в члена промахивались. Ни всякий, скажем, понятие о прицеле имеет. Да.

А член мечет:

— Я ни против... Я сам фронтовик... Вместо авто Совет выставит пятьдесят бутылок шампанского.

— Мало...

— Ни заливай нам.

— Тоже фронтовик — нажевал рыло-то...

— Мало.

— Двести...

Сходились на сотне.

Всяко бывало.

Девочки-мармуленочки до одной за моряками. Вихрем свадьбы. Сплошная гуляня. Свадебные поезда кишками. Через весь город. Сквозь. Свадьбы каждый час, каждую минуту. Пьянка-гулянка. Дым-ураган. Жизнь на полный ход. Хриплые женишки. Невесты—первый сорт карамельки. Шафера, подруженьки, тетушки—честь честью. Колец—ураган: с пальцами нарубили у корнил-офицеров. Венчанье, лохмачи осипли. Музыка крышу рвет. Денег много. Все пляшут. Все поют. Дым в небо.

Женится Васька на буржуйской дочке. Денежки всему шапка. Васька с Маргариточкой за красным столом сидят, друг дружке эдак улыбаются. Маргариточка в форменке—женихов подарок. Куражится Васька. Уцепил ее за хребет. В миндальные губки целует. Вино пьет, стаканы бьет, похваляется:

— ...в натуральном виде с подливкой...

Ах, и веселый же народ матросы! Делегат за оружием Максим среди них, ровно ржавый курган в зеленой степи. Дума грызет — и как бы оружием разжиться — ждут станичники... Хотя, какое тут оружие, ежели Васька женится?.. Отгуляем, отпляшем и...

Ржет братва, на слово не верит:

— . . . . .

— . . . . .

— Га-га-га!

— Го-го-го!

— А-ха-ха-ха!

Васька пузырится:

— Што я вам, — говорит, — чувырло какое?

Васька из двух шпалеров на спор садит в пустые бутылки, понаставленные на рояль. Бабы визжат. Братва потешается. Чечеточку, ползунка, лягушечку как тряхнет-тряхнет Васька, локти наотлет.

— Рви ночки...

— Равняй деньки...

Папаша, то-есть буржуй ихний, безусловно пляшет. На затылке смятый котелок. Глотка

буржуйская шире голенища разношенного. Рвет камаринского на демократических началах.

— Аарррара... Ааррра...

Ржут матросики. Над буржуем подтыривают:

— Нет. Спой-ка ты нам яблочку...

— Тряхни брылами...

— Повесели гостей...

— Сыпь на весь двугривенный...

— Уморушка-Татьянушка...

А матушка, то-есть буржуйка ихняя, дышит над голубками. Пылью стелется:

— Девушка она у меня чуткая, деликатная. Гимназию с золотой медалью... Уж вы, Василь Петрович, ради бога, будьте с ней понежней... Она совсем, совсем ребенок...

Ваську от умиления слеза прошибает:

— Мамаша, да рази ж мы ни понимаем... Да я в лепешку расшибусь...

Маргариточка за роялем трень-брень. Ее восковой голосок гаснет в мутном утробном реве:

Ах, ты, яблочко.

Д с боку верчено...

И на улице под окнами подхватывают с под-
свистом. Ни поймешь, плачут или смеются
стекла, и в раму рожа дико веселая:

— Э, да тут гулянка...

Под окошками летучий митинг:

— Свадьба.

— Ну!

— Верно дело.

— Залетим, братва...

— Вались...

— Заходи, братишки, заходи... Места хва-
тит. Вина хватит...

— Зачем же бить окошки?

Утром с похмельки:

— Ах, ах...

— Где молодой?

— Нет молодого!

Пропал молодой.

Теща плачет. Маргариточка белугой ревет:
охарашивает ягодки помятые. Шафера похме-
ляются, к подруженькам присватываются. Ре-
бятишки выжимают из бутылок похмельку.

Нету Васьки.

Оказывается, на фронт махнул. А можа, и не на фронт. Вечером будто видали Ваську — в гортеатре зеркала бил. А завтра слышишь, будто влюбилась в него артиска. Зафаловал Васька артиску французскую. Раз-раз по рукам — и в баню. Лафа этому Ваське. Куражится, подлец: артиска, принцеса, баба свыше всяких прав.

Пришли ребята гулять и видят: артиска ни артиска, а самая заправская чеканка — Клавка Бантик. Кто ж ни знает Клавку Бантика, Васька, на что доброго сердца человек, и то взревел:

— Ах, ты, кудлячка...

Плеснул ей леща, другого — и в расчете: бесхитростный Васька человек.

Стонут, качаются дома. Пляшут улицы.

Прислонился ходя к „России“. По неизвестной причине плачет ходя, разливаается:

— Вольгуля мольгуля...

Выкатились из „России“ ребятки и навалились на ходю:

— Хам...

— Гам...

— Китаеза...

— Черепаший хвост.

— Что обозначают твои слезы?..

— Вольгуля мольгуля... Моя лаборала, лаборала, все денихи плолаборала: папилоса нету, халепа нету...

Слезы эти из него так и прут.

— Ха-ха!

— Гу-гу!..

— Бедолага, сковырни слезы, едим с нами.

— А-яй, чудачок, кругом слобода, а ты плачешь.

— Едим...

— Мая каласо, тавалиса...

Эх, развезло, размазало.

— Стой, не вались...

В дымину пьяного делегата Максима в десять рук втокнули в реквизированную архиерейскую карету с проломленным боком. Ввалились — Галаган, Суворов, китаеза, еще кто-то. Сорвалась пара, разукрашенная красными лентами. И у лошадей праздник. И лошадям весело.

— Пошел!

- Качай, качай!..
- Рви малину!
- Руби самородину!..
- Хха! Фьюююююююююююю!..

Помнил Максим станицу. Фронт помнил. Гнеденького жеребчика Сокола. А слова, ровно раки пьяные, расползаются:

— Вася... Родной... Господи... Братишки... Контра вся Кубань... Тридцать тысяч казаков...

— Погоди, и до казаков доберемся, и их на луну шпилить будем.

— За што мы страдаем?..

— Ни расстраивай, солдат, ты своих нервов... Всех беломордых перебьем и ббаассттаа, останется одна пролетария...

— Оружья тебе достанем...

— Должны мы погулять... Первый праздник в жизни...

— Вася...

Гортеатр. „Гейша“. Занятная штука. Радовался китаеза, ровно малый ребенок. Смеялся китаеза, в ладоши прихлопывал:

— Уф, мая каласо...

Максим под стульями спал. Трое в карточки перекидывались на заднем плане. А Галаган с Суворовым расставили по борту ложи бутылки. Хлебали шампанское. „Гейшей“ интересовались и языками причмокивали.

— Вот это нда!..

— Браваааааааааааааааа!..

— Вахтаналия!

Разбудил Васька Максима.

— Едим!

— Куда?

— За денежками на дредноут „Свободная Россия“.

Открыл Галаган сундучок кованый: керенки, николаевки, гривны, карбованцы, браслеты — все на свете. Подарил дружку бинокль Цейс на три фазы.

— Вот и портсигар бери... Ни сомневайся: портсигар семь каратов...

У делегата руки трясутся. Бинокль за пазуху сунул. Портсигар в кулак утопил. Подмигнул делегат Максим:

— За два оглядка куплено.

— Ни боже мой... Грабировки никогда нигде на грош не сочинили. Все у мертвых отнято. Скажи, зачем мертвому портсигар в семь каратов?

Максиму, безусловно, крыть нечем. Пощупал бинокль за пазухой, оглянулся:

— Показал ба ты корабль мне, Вась... Эка махина...

— Можна.

Спускались в кочегарку. Васька сыпал:

— У нас на миноносце „Пронзительной“ триста мест золота на палубе без охраны валяется, никто пальцем не трогает. А ты: грабировка... Тут, браток, особый винт упора... Понимать надо.

— Золота?

— Триста мест золота из киевских-харьковских сейфов... Мы, браток...

Черно. Угарно.

Топки жаром плескали, ревели ветрогонки. Забитые угольной пылью, задымленные кочегары в рукавицах без рубашек. Бегали, мотались. Ширяли ломами. Подламывали скипев-

шийся шлак. Из угольных ям на руках чугунные кадки подтаскивали. Сопел, ревел огонь в топках. Угольные лампочки еле дышали.

Максим утерся:

— Дюже жарко.

Падая на него, Васька кричал:

— Это што... Два котла пущены... Это што. Во когда все десять заведем... уууууууу... Жара восемьдесят. Ветрогонки стара система — тяга слабая: жара восемьдесят... Да ведь надо ни сидеть, платочком обмахиваться. Надо работать. Без отверту, без разгибу... Ни пот — кровь гонит с тебя...

— Жизнь горьки слезы.

— Эх, в бога господу мать... Пять годиков тут отчубучил. Теперь свет увидал. Али и теперь ни погулять? Первый праздник в жизни...

— Айда!

Прыгнули в ялик. В город поцарапали.

Город в огнях, в музыке. Кафе-рестораны — все за матросами. Черно от матросов.

Пьяно.

Пыльно.

Пляско.

Сплошной праздник.

Штатским вход воспрещен.

Горсад. Куплетисты. Цыганы. И кругом дешевка. Вдесятером за тыщу всю ночь с девочками, с музыкой, с вином. Не любил Васька деньги пересчитывать. А денег этих самых у него с полпуда. Пропивай — не пропьешь. Гуляй не прогуляешь.

— Э-эх, братишки, в бога боженят...

— Нынче гуляй, завтра фронт.

— Иисус Христос проигрался в стос...

— Пей, все равно — флот пропал...

— Кто там бузит?

— Бей буржуев: деньги надо...

Наверх вы, товарищи, все по местам...

— Надоела вся борьба... Домой...

— Ни хочешь ли на мой?..

Врагу ни сдается наш гордый Варяг...

Пощады никто не желает...

— Братишки, в угодничков божьих, в апостолов мать...

Сцена. Вальсняхка. Яблочко. Танец „Две киски“.

— Дамочки, мамочки, бирюзовы васильки...

— Рви рр-рр-рр ночки... Равняй деньки...

— Руби малину... Не хочешь ли чаю с черной самородиной?..

Хор цыганский:

Где болит? Чево болит?

Голова с похмелья.

Нынче пьем, завтра пьем,

Целая неделя...

Иэх, давай,

А, ну, давай,

Пошевеливай, давай!

Иэх, даю,

Вот даю,

Пошевеливаю,

Даю,

Даю,

Даю,

Пошевеливаю.

Эх, даю,

Вот даю,

На, даю,

Бери, даю,

Расшевеливаю...

— Ой, резвы ноженьки, верти, верти, верти...

Смоляные факелы пляшут. Пляшут матросы Рогачевского отряда. Обвешаны они бомбами, пулеметными кишками, пушками. Пахнет от них пылью, порохом, кровью: вчера только с фронта убежали. Погуляют день—другой и на извозчиках покатают обратно на позицию. Позиция под боком. Кругом бои. Кругом вода.

— Арра барра...

— Засобачивай...

— Ходи-ходи...

— Отдирай пятки...

Отречемся от старого ми-и-ра,

Отряхнем ево прах с наших ног...

Наливался-наливался китаеза на голодное-то брюхо, и вдруг хлынуло из него все обратно: мадера, шампанское и всевозможные закуски.

За столом Максим, Васька, Ильин, Суворов, жид—Абрашка—слесарь из депа, мадьяр Франц и опять же потрясенный китаеза. На привольном воздухе. Якорь глубины морской. Максим целует всех подряд, сморкается в рукав:

— Абрашка, дай свою черствую руку... И

рассознательный жа у вас в дepe пролетарият-
ох... Абрашка, законный пролетарият из ра-
бочава строю... глаза страцат — руки делают.
Руки не достанут — ребрами берите...

— Берем.

Это так. Это по-нашему. Шутка ли — в не-
делю два бронепоезда сгрохали... Под Батай-
ском, под Кущевкой шибко они нам помогли...
Вот как помогли, Абрашка... Вася, обороти
внимание: в неделю два бронепоезда...

И Васька угощает китаезу, Максима, шки-
пера Ильина, Суворова, шестерку, Абрашку:

— Пей, гуляй, бражка... Нонче наш празд-
ник! Хозяин, даешь ужин из пятнадцати блюд...
За все плачу... Есть ответ... А беломордых
передушим до одного. Душа с них вон... Мы...

... На горе стоит ольха,
Под горою вишня.
Буржуй цыганку полюбил,
Она за матроса вышла.
Иэх, раз,
Еще раз,
Еще много,
Много раз...

— Больше жизни...

— Больше жару...

А, ну, раз,
Еще раз,
Еще много,
Много раз,
А-ах раз,
Еще раз,
Еще сотню,
Тыщу рааааз...

Каждая башка весела. Каждая башка бубен.
Распалось сердце Васькино. На стол влез,
ревом:

— Братишки... Слушай сюда-а-а...

И начался тут митинг с слезами, с музыкой.

Гра

Бра

Вра

Дра

Зра

С кровью

С мясом

С шерстью.

И ночью же прямо из города на вокзал добровольческий отряд. Васьки Галагана партизанский отряд в двести голов. Навалились на коменданта бесповоротно:

— Оружья... Вынь да выложь...

С пятого пути два вагона винтовок. Один Максиму достался. На крыши пульмановских ставили пулеметы. Грузили мешки с рисом, хлебом, сахаром. Китаеза работал, как чорт.

— Садииииись...

Длянь... Длянь... Длянь...

Ду-ду-уу...

Эшелон сорвался и, гремя буферами, раскачиваясь на стрелках, сразу пошел на-рысях.

Мотай. Крути. Винти.

Поезд мчится

Огоньки

Дальняя дорога...
